

СМЕРШ
спецназ Сталина

ЛЕСНАЯ АРМИЯ

Александр Тамочиков

СМЕРШ – спецназ Сталина

Александр Тамоников

Лесная армия

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Тамоников А. А.

Лесная армия / А. А. Тамоников — «Эксмо», 2019 — (СМЕРШ
– спецназ Сталина)

ISBN 978-5-04-106620-8

Летом 1944 года советское командование начало готовить операцию по освобождению Белоруссии. Во время инспекции прифронтовой полосы в засаду попадает начальник мехкорпуса генерал-майор Серов. Избежать гибели генерала удалось только благодаря контрразведчикам майора СМЕРШ Павла Кольцова. При расследовании обстоятельств нападения выяснилось, что диверсанты действовали двумя группами. Одна была уничтожена во время боя, а вот куда направилась вторая – неизвестно. Кольцов пытается организовать преследование. Но вместо лазутчиков неожиданно обнаруживает куда более серьезную опасность...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-106620-8

© Тамоников А. А., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	17
Глава 3	24
Глава 4	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Александр Александрович Тамоников

Лесная армия

© Тамоников А.А., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Глава 1

8 июня, 1944 год.

В квадрате 22–16 о войне ничто не напоминало. Солнце жарило в зените, что-то вкрадчиво нашептывал ветерок. Стрижи в лазоревом небе выделывали фигуры высшего пилотажа. Молодой осинник плавно перетекал в березняк.

Светлый околок разделяла проселочная дорога. Она выбегала на опушку, змеилась вдоль редкого леса и вновь пропадала за деревьями. На пеньке сидела белка с пушистым хвостом, держала в лапках сухой сморчок. Внезапно наострилась, замерла, забегали бусинки глаз. Из леса донесся неясный гул.

Мирную идиллию нарушила колонна армейской техники, выезжающая из леса. Возглавляла ее бывалая полуторка с отделением автоматчиков. Покачивались головы в стальных шлемах. За грузовиком шел «ГАЗ-61» – с усиленной решеткой радиатора и внушительным дорожным просветом. В машине помимо водителя сидели двое.

Замыкал колонну «ГАЗ-64» с вырезами в боковинах кузова. Машиной управлял молодцеватый лейтенант в заломленной на затылок пилотке. Рядом с ним сидел скуластый русоволосый майор. Он внимательно наблюдал за меняющейся обстановкой. Сзади развалился капитан лет тридцати пяти – в очках, с удлинненным постным лицом. Он снял фуражку, и луч солнца коснулся глубоких залысин, взбирающихся на макушку. Офицер потел, то и дело вытирал голову платком. Полдень бил все рекорды: лето едва началось, а уже превращалось в пекло.

Машины переползли ухабы. За спиной осталось расположение артиллерийского полка. Часть дислоцировалась на западной опушке протяженного осинника. Маскировкой генерал-майор Серов остался доволен. Гаубицы и 76-мм орудия зарывали в землю, маскировали ветками и дерном, личный состав перемещался по узким траншеям, с воздуха ничего не было видно. Немецкие самолеты-разведчики появлялись в небе почти каждый день.

Охранение тоже выставили грамотно – нарушителю пришлось бы пересечь три полосы защиты. Перемещения людей и техники производились только ночью. Прифронтовая полоса скрытно уплотнялась войсками. Подразделения рассредоточивались в складках местности – в двух-трех километрах от переднего края.

В мае замедлилось наступление на Украине, войска закреплялись на занятых рубежах. В Ставке приняли решение сменить направление главного удара. Наступление готовилось в Белоруссии. Ставилась задача: добиться максимальной внезапности. Подготовка держалась в строгой тайне. В эфире – режим радиомолчания. Телефонные переговоры запрещались даже в закодированном виде. Все приказы отдавались лично. На передовой активно велись земляные работы – создавалась видимость подготовки к обороне. Минные поля не снимали, удаляли лишь взрыватели с мин. Противнику внушалось, что удар будет нанесен в районе украинского Ковеля – с направлением на северо-запад, а далекая Белоруссия тут вообще ни при чем...

На 15-километровом участке, между населенными пунктами Грезинка и Мозлов, позиции занимал механизированный корпус генерал-майора Серова. Объединение полностью укомплектованное, плюс приданный танковый полк и три стрелковых батальона. В штате корпуса – три механизированные и одна танковая бригады, дивизион реактивной артиллерии, минометный полк, зенитные части, артиллерия, полк самоходных артиллерийских установок, истребительно-танковый полк, части обеспечения и обслуживания. Вся эта армада находилась в ближнем тылу, а на переднем крае – лишь несколько батальонов, занятых земляными работами. До наступления оставалось чуть больше недели...

В упомянутом квадрате советских войск не было. Досадный, но вынужденный пробел. К западу – низина с топами, на востоке, до райцентра Старополоцк, где дислоцировался штаб корпуса, – поля с перелесками, в которых трудно замаскировать даже роту. К северу, за пере-

сохшей речушкой, снова чаща, там стояли подразделения 4-й отдельной механизированной бригады. Туда и вела проселочная дорога.

Колонна пересекла поляну, дребезжащий мостик над высохшей речушкой. Слева простирался хвойно-осиновый лес, справа – поляны, островки кустарника, за ними – светлый лиственник. Инспекционная поездка командира корпуса была в разгаре. Подобные проверки проводились неоднократно, но сегодня он выехал лично, взяв с собой лишь начальника топографического отдела и офицеров контрразведки.

Последние сидели в замыкающей машине. Двигатель работал, как сердце больного аритмией – мерно гудел, потом начинал подрагивать, слышались перебои. Чертыхался молодцеватый водитель с погонами лейтенанта.

Кузов задрожал, из капота потянулся дымок. Кашлянул майор Кольцов, с интересом посмотрел на лейтенанта Левицкого, управляющего машиной.

– А что сразу я, товарищ майор? – обиделся лейтенант. – Я вам что, механик с довоенным стажем? Что было, то и дали. Этой телеге в обед сто лет. Донашиваем после пехоты. Новые 67-е и штатовские «Виллисы» нам не выделяют, хотя обязаны, учитывая специфику нашей работы...

Двигатель проявлял признаки тяжелого недомогания. Машина дернулась и встала.

– Знаете, товарищ лейтенант, – вкрадчиво сказал Кольцов, – мы – мирные люди, но я не знаю, что сейчас будет, если твоя керосинка не заведется! – ему пришлось повыситься голос.

Левицкий лихорадочно мучил стартер. «Старая шарманка» визжала, кашляла, потом случилось чудо: двигатель затарахтел, сцепилось, что надо, в коробке передач, и транспортное средство поехало. Левицкий поддал газу, чтобы догнать «эмку», победно глянул на командира.

– Вот так-то лучше, – проворчал Кольцов и обернулся. На заднем сиденье молчали. Очень странно. Для острого на язык капитана Карагана это было не характерно. Капитан в данную минуту был занят. Он привстал с сиденья и пристально рассматривал удаляющийся лес. Потом сел на место, подтянул к себе «ППШ» и встретился взглядом с командиром. Постная физиономия Карагана выражала задумчивость.

– Что случилось? – осторожно спросил Кольцов.

– Не знаю, – отозвался Караган, – не по себе как-то стало. Словно кикимора болотная на меня глянула. Почудилось, наверное.

– Болота дальше, – со знанием дела заметил Левицкий. – Здесь обычный лес.

– Значит, леший на меня тарасился, – огрызнулся Караган, – бабайка, анчутка, берендей с Бабой-ягой – кто там еще в наших лесах обитает...

– Кто такой анчутка? – озадачился Левицкий. – Про остальных, кажется, слышал...

– Злой дух, – объяснил Кольцов. – Очень маленький, шерстяной и злобный. За кочкой сидит и по-немецки говорит. Если в следующий раз машину не подготовишь, я лично его поймаю и тебе за шиворот суну.

Караган снова промолчал. Ломаем привычные взгляды, товарищ капитан? Караган опять кого-то высматривал, морщил лоб и даже принюхивался. Интуиция у «бывшего интеллигентного человека» работала через раз, впрочем, как и у всех.

Кольцов тоже вытянул шею, прищурился. Яркий свет резал глаза. Местность открытая, до ближайшего лесного массива метров триста. На опушке – густой ковер из клевера с вкраплениями медуницы. Поваленные бурей осины, подлесок, похожий на можжевельник. Что его насторожило?

Грузовик с солдатами и командирская «эмка» ушли вперед, лейтенант Левицкий прерывисто выжимал газ, сокращая дистанцию.

Внезапно последовал сигнал по колонне: «Всем остановиться!»

Водитель «эмки» высунул в окно руку, сделал круговое движение. Машина встала, заскрипел тормозами грузовик. Левицкий плавно выжал педаль – «газик» послушно выполнил команду.

– Что там? – спросил Караган.

– Да просто остановка, – отозвался Кольцов.

– Мальчики – налево, девочки – направо, – хихикнул Левицкий.

Автоматчики высадились из полуторки, разбежались по высокой траве. Выкрикивал команды молодой начальник охраны в звании старшего лейтенанта. Вышел водитель «эмки», сунул папиросу в зубы. Выбрался отглаженный, как на парад, майор Петров, машинально провел пальцем по крылу машины, проверяя наличие пыли. Вынул из кармана платок, вытер руку. О чистоплюйстве майора Петрова, ненавидящего микробы больше, чем фашистскую Германию, ходили анекдоты.

С заднего сиденья вылез генерал-майор Серов в полевом обмундировании, пристроил на капоте планшет и поманил Кольцова. Майор одернул гимнастерку и зашагал к начальнику.

Серов смотрел исподлобья. Генерал был молод, сорок четыре года, ростом выше среднего, спортивно сложен. Всегда гладко выбрит. В движениях чувствовалась некоторая замедленность. Месяц назад ему в плечо попал осколок мины, от госпитализации генерал отказался – провел в лазарете два дня и вернулся в строй. Рука болела, особенно от резких движений. Знакомый офицер рассказывал: пару дней назад генерал в гневе треснул кулаком по столу и рухнул как подкошенный – подвела забывчивость! Хорошо, нашатырь нашли быстро.

– Вы из отдела контрразведки? – уточнил Серов.

– Так точно, товарищ генерал-майор, – ответил Кольцов. – Начальник третьего оперативного отдела майор Кольцов Павел Игоревич. Вы дали согласие вас сопровождать.

– Помню, – кивнул генерал. – Девичьей памятью не страдаю. Ваш командир полковник Шаманский хорошо отзывается о вашем отделе. Взгляните на карту, Павел Игоревич.

Он расстелил на капоте полевую карту, испещренную пометками, обвел карандашом круг. Масштаб был сравнительно крупный, городок Старополоцк выглядел не просто точкой – просматривались улицы, объездная дорога с юга на Шмарино. Справа в нескольких верстах значилась зеленая котловина, так называемое урочище Галушаны, где почти не ступала нога человека – фактически чаща, окруженная скалами. Окрестные леса, проселочные дороги. Редкие деревни, как правило, заброшенные. На западе прерывистая линия фронта. Замаскированные позиции артиллерийского полка даже на карте представлялись условно; севернее, в густых лесах – 4-я мехбригада полковника Радановского. Между ними – «белое пятно» – обширный лесисто-болотистый участок, вдающийся в территорию противника.

Генерал обозначил сектор окружности западнее этого выступа.

– Вот смотрите, майор, по данным разведки, в этот квадрат немцы стянули два танковых полка и несколько батальонов пехоты. Войска расквартированы в деревнях и полевых палаточных лагерях. Согласитесь, это неспроста. Не так уж много резервов у немецкого командования, чтобы затыкать ими столь сомнительные дыры. Такое ощущение, что на этом направлении собирается бронированный кулак.

– Маловат кулак для наступления, товарищ генерал, – заметил Кольцов.

– Зато подходящий для локального прорыва, – возразил Серов. – С какой целью это делается, мы не знаем.

– Но здесь им не пройти, товарищ генерал. Участок болотистый, дорог нет. Даже пехота увязнет. Другое дело – вот здесь, – майор показал пальцем севернее, – дорога вдоль опушки, мимо деревни Гаевка. Или южнее – мимо бывшего совхоза Ключниково. По этим дорогам они и уходили, когда отступали. Рискну заметить, что ваши разведданные устарели: упомянутые вами подразделения скрытно выдвигаются именно к этим рубежам. Есть смысл выслать новые группы для рекогносцировки местности.

Генерал поморщился.

– Этим данным трое суток. Возможно, вы правы. Но разведка работает не только у нас. Мы можем бесконечно водить немцев за нос, готовя их к мысли, что наступление будет где угодно, только не здесь, но они не дураки. Уверенности у них нет, но подозрения быть обязаны. Это может быть реакцией на наши скрытные приготовления.

– Но к наступлению готовится не только наш корпус, товарищ генерал. Соседние соединения заняты тем же. Однако немцы стягивают резервы именно сюда. Возможен тактический маневр или что-то другое. Для наступления этих сил явно недостаточно. Ну, вклинятся они на два-три километра между 1-м Прибалтийским и 3-м Белорусским фронтами, а что дальше? Для захода в тыл им не хватит резервов. Показать, что они еще чего-то стоят? Глупо, не до этого им сейчас. Отвлекающий маневр? Вполне возможно. Но чтобы сделать такой вывод, нужно знать обстановку на остальных участках фронта. Зачем он нужен немцам? В конце концов, если мы занимаемся дезинформацией, что мешает противнику заняться тем же?

Генерал задумчиво разглядывал карту. Две недели назад части механизированного корпуса выбили немцев из района, заняли Старополоск, продвинулись к западу на восемь верст и встали, ликвидировав опасный выступ. Южные и северные соседи остались на месте.

– В вашем ведомстве, майор, есть зафронтовой отдел – агенты действуют на территории врага. Есть от них донесения?

– К сожалению, товарищ генерал-майор, работа еще не налажена. Мы недавно в этом районе, люди не успели обосноваться. Есть мнение, что закордонные отделы скоро расформируют. Если наступательные операции пойдут активнее, обстановка станет меняться постоянно, и они просто не будут успевать закрепиться. Работу придется перестраивать – в новых условиях это необходимо. А получение агентурных данных с немецкой территории станет прерогативой внешней разведки. Наше ведомство переключается на работу в тылу. Чем хуже ситуация у немцев, тем активнее они отправляют в наш тыл диверсантов. И это не считая уже обосновавшейся ранее агентуры...

– Насколько помню, пару дней назад была попытка проникновения на нашу территорию?

– Так точно, товарищ генерал-майор. Трое суток тому назад. И прошли они примерно здесь, где мы сейчас находимся. – Павел очертил на карте предполагаемый участок. – Через болота есть тропы, ими и пользуется противник. Возможно, привлекает для этого местных жителей. Их было восемь человек, шли в гражданской одежде, их накрыли вот здесь, когда они преодолели четыре километра. О засылке группы сообщил перебежчик. Это могла быть дезинформация, но меры мы приняли. Мы задействовали подразделение НКВД по охране тыла действующей армии, перекрыли проселочные дороги и атаковали диверсантов, когда они остановились на привал. Сдаваться немцы не захотели, отстреливались до последнего, тяжело ранили двух наших бойцов. Последний диверсант покончил с собой. У них нашли отлично выполненные советские паспорта и другие документы на разные случаи жизни.

– Получается, прошли они где-то здесь... – генерал посмотрел на западный лес.

– Это только версия, товарищ генерал-майор. Участок обширный, тропы через болота пока не выявлены. У нас не хватает людей, чтобы обрабатывать все направления.

Генерал погрузился в задумчивость.

Серов был любопытной фигурой. Он успешно воевал под Сталинградом, командуя механизированной бригадой, блестяще выполнял боевые задачи на Курском выступе. Волевой, решительный, одаренный, умеющий нестандартно мыслить и предпочитающий все видеть сам, нежели узнавать по «испорченному телефону». Он никогда бездумно не посылал солдат на смерть, каждую операцию тщательно продумывал. Впереди пехоты ставил бронетехнику, активно применял всю имеющуюся артиллерию, авиацию, предпочитал фланговые охваты и прорывы в глубокий тыл.

В войсках генерала Серова любили. Немцы неоднократно назначали награду за его голову. Но не только на той стороне он имел недоброжелателей. В 1939 году Михаил Константинович, тогда еще полковник, командир бригады в Приволжском военном округе, участник боев на озере Хасан, был снят с должности, лишен звания, наград и арестован. Обвинение было обычным для того времени: шпионаж, измена Родине и подготовка террористических актов. Полгода по тюрьмам и СИЗО, перевод во внутреннюю тюрьму НКВД, ежедневные допросы, пытки, избиения. Генерал никого не сдал и не подписал признания – лишь упорно твердил, доводя следователей до бешенства: «Я ни в чем не виноват, это ошибка».

В 1940-м его выпустили по личному распоряжению наркома Берии. Ходили слухи, что, ознакомившись с масштабами репрессий в Красной армии, Лаврентий Павлович схватился за голову: «Ребята, вы слишком переусердствовали! А если завтра война? Кто воевать будет? Порубили всю Красную армию! Недобитым буржуйам, белокуитайцам и японским милитаристам такое счастье и не снилось!»

Дело закрыли в связи с отсутствием состава преступления. Семью вернули из лагеря, соединили с кормильцем, отправили на Кавказ восстанавливать пошатнувшееся здоровье. А потом Серову дали новое назначение, теперь уже в Краснознаменный Киевский округ.

– Хорошо, товарищ майор, благодарю за ценные сведения, – генерал свернул карту. – Садитесь в машину, едем дальше.

Дальше дорога петляла по равнине, леса отступили. Набежало облачко, закрыло солнце – впрочем, ненадолго.

– Все спокойно, товарищ майор, – покосился на командира Левицкий, – под разнос не попали?

– А надо было? – не понял Кольцов.

– Так это самое... – лейтенант смутился, – перестарались же в последнем бою, когда диверсантов ловили, ни одного «языка» – а ведь они многое могли рассказать...

– Эта история не дает тебе покоя? – Кольцов всмотрелся в смущенное лицо подчиненного. – А кто перестарался-то? С бойцов надо спрашивать, это они усердие проявили, когда под обстрел попали. Мы пришли, а там уже шаром покати – вся диверсионная группа на том свете.

– Энтропия, туда ее... – вздохнул на заднем сиденье Караган.

– Чего? – не понял Левицкий.

– Энтропия, говорю, – повторил тот, – чем меньше система подчинена порядку, тем выше энтропия. Хаос и сумбур, иначе говоря. Второе начало термодинамики.

– Товарищ майор, чего он умничает? – протянул Левицкий. – Неужто русских слов не хватает? Я даже знаю парочку: бардак, несогласованность действий. А он тут со вторым началом... Да хоть с третьим пришествием!

– А что, второе было? – не понял Караган. – Ты сейчас о чем, Леонид? О персонаже по имени Христос, который принял смерть за грехи человечества, а потом чудесным образом вернулся на Землю? Первый раз это точно было, очевидцы не дадут соврать, а вот второй...

– Вот опять он умничает, товарищ майор, – крякнул Левицкий.

– Ладно, заткнулись, – бросил Кольцов. – И тебя это касается, – он покосился через плечо на Карагана, – тоже мне – великий богослов...

– Вы знаете, товарищ майор, что с генералом Серовым в 39-м приключилось? – усилий удержать рот на замке Карагану хватило на минуту. Этот ушлый субъект всегда знал то, что знать не следовало. – Обвинение в антисоветской, антипартийной деятельности, арест, уголовное дело. А если исходить из того, что наши органы никого необоснованно не репрессируют... – капитан сделал выразительную паузу. – Удивляюсь, что его отпустили, вернули партбилет, должность, доброе имя – ну, и так далее.

– Органы ошиблись, – объяснил Кольцов. – Повелись на ложный донос. Но во всем разобрались, отпустили ввиду отсутствия состава преступления. А в чем дело, Леонид, – Кольцов

резко повернулся, – ты что, не доверяешь нашему генералу? Неплохо замаскировался, да? За три года ни одной военной неудачи, гонит немцев отовсюду, его имя связано только с победами...

Караган не смутился: смотрел майору прямо в глаза, только стекла очков загадочно поблескивали.

– Ну, может, оступился разок? – миролюбиво заметил Левицкий.

Взрыв прогремел под колесами головного грузовика! Сработал фугас, заложенный на дороге! От грохота заложило уши. Машина подпрыгнула, из развалившегося кузова посыпались люди. Кабину развернуло, она рухнула посреди дороги. Орала раздавленные, брызгала кровь. Многих солдат поразило осколками, а тех, кому посчастливилось выжить, крепко контузило. Тут же из леса разразился плотный огонь из стрелкового оружия.

– Левицкий, стой! – заорал Кольцов. Но машину несло – колонна разогналась на ровном участке.

Водитель генеральской машины, видимо, уже был убит. «Эмка» врезалась в искалеченный грузовик, развернулась поперек дороги. «ГАЗ» контрразведчиков протаранил «эмку», смял ей задний бампер. Спрашивать с Левицкого было поздно. Он уронил голову на руль, из пробитого черепа выплескивалась кровь.

– Командир, уходим! – взвыл Караган. – На обочину!

Кольцов вцепился в автомат, зажатый между ног. И вдруг заметил, как из высокой травы как будто махнули рукой. В следующую секунду в воздухе мелькнула длинная рукоятка немецкой «колотушки». Павел вывалился на правую обочину, покатился в канаву. Мир вертелся, ныло ушибленное плечо. Приклад автомата больно ударил по лбу. Граната взорвалась под задними колесами. Сползло с подножки тело капитана Карагана.

Взрывная волна ударила по мозгам. Сознания Кольцов не терял, но туловище словно одеревенело. Небо стало стремительно приближаться, в нем вспыхнули яркие бусинки – они искрились, переливались, появляясь и исчезая. Так вот оно какое – небо в алмазах...

Вторая граната взорвалась в противоположном кювете. Она словно толкнула майора – нашел время предаваться мечтаниям! Стрельба не утихала.

Кольцов кинулся к Карагану, тряхнул его – бесполезно. Все вокруг плавало в дыму – пули пробили капот, раскурочили двигатель. В клубах дыма было видно, как от леса отделяются фигурки в пятнистых комбинезонах, смещаются к дороге. Поднялись те, что лежали в траве, перебежали. Павел видел сосредоточенные лица под обтянутыми сеткой касками.

Трещали «ППШ» – выжили несколько солдат охраны, они рассыпались по обочине, залегли за горящими машинами, беспорядочно отстреливаясь. Большинство из них было контужено, дезориентировано.

Раскинул руки мертвый старлей – грудь прошила автоматная очередь.

Ноги заплетались – Кольцов схватился за вздыбленный капот, вскинул автомат, дал очередь в сторону леса – там продолжали мелькать силуэты диверсантов.

Командирская «эмка» представляла собой жалкое зрелище. Крышка капота переломилась, из черного моторного нутра валил зловонный дым. Машина накренилась при ударе в грузовик. Разнесло лобовое стекло, вывалился мертвый водитель. Макушка всмятку, сгустки крови в волосах.

Майор Петров, начальник топографического отдела, застыл с откинутой головой. Пуля поразила его в левый висок, кровь залила нарядный китель.

На заднем сиденье кто-то ворочался, кряхтел. Генерал был жив! Павел попытался распахнуть заднюю дверцу – ее заклинило, пришлось рвать, и от этих усилий он вернулся в чувство. Генерал хрипел и кашлял, застряла нога под передним сиденьем, Серов пытался ее освободить. Это удалось, но подвернулась больная рука, он застонал от ослепительной боли. Не

до нежностей! Кольцов схватил его за шиворот, поволок из машины. Генерал пыхтел, лицо превратилось в бескровную маску.

– Майор, не надо, я сам... Живой пока еще...

Пули стучали по машине, гнули железо. Павел не мог стоять и ждать, пока Серов «сам»! Секунды решали все! Он схватил генерала под мышки, вытянул наружу, поволок в канаву. Упали одновременно, поперхнувшись пылью.

– Что за бардак? – хрипел, закатывая глаза, комкор. Он потерял фуражку, вздыбились волосы. Пальцы искали кобуру, пытались расстегнуть застёжку.

– Лежите, товарищ генерал-майор, не вставайте...

Павел на коленях вылез из канавы, схватился за горячее железо, чтобы не упасть. Творилось что-то невысказанное. Накал стрельбы не стихал. Перебегали пятнистые комбинезоны. Это точно были бойцы диверсионного подразделения, хорошо обученные бывалые вояки. Удобная униформа, оружие, ранцы. Не ясно, в каком количестве, но – много. Немцы появлялись то здесь, то там, особо не спешили, береглись.

Красноармейцы отстреливались. Их оставалось всего человек пять, они держались из последних сил.

– Товарищ майор, уводите генерала, мы прикроем! – высунулась из-за обломков кузова голова одного из бойцов. – Быстрее уводите, патроны кончаются!

Самостоятельно идти генерал не мог, старые раны не давали покоя. Он извлек, наконец, пистолет из кобуры, норовил подняться, возглавить оборону. Рука висела плетью, еще и нога подозрительно выворачивалась – повредил, вылезая из машины. Кольцов снова повалил его на землю. И вовремя – рой пуль пропел над головами.

– Товарищ генерал-майор, отходим! Не нужны вы здесь, вы в другом месте нужны! К лесу! Да пригибайтесь же, черт возьми!

Серов таращился на майора воспаленными глазами. Потом к нему вернулась способность соображать, он пошел, прихрамывая. До восточного леса метров семьдесят – невозможная бесконечность! Почему так медленно? Кольцов брел за генералом, прикрывая его со спины. Ноги путались в траве, цеплялись за корни.

– Пригнитесь!

Для кого он надрывал глотку? Генерал, тяжело дыша, остановился, стал стрелять из пистолета. Ну, какой из него стрелок! Павел с ревом повалил его, прижал к земле. Генерал сначала сопротивлялся, потом обмяк.

– Ползите... – умолял Кольцов. – ползите, не останавливайтесь... Если идти, то только на четвереньках.

Павел стрелял короткими очередями. Обернулся – генерал преодолел метров двадцать, полз дальше.

Машины чадили на дороге. Диверсанты подбирались с обратной стороны, бросали гранаты. Откатывались уцелевшие красноармейцы. Их было трое. У двух других закончились патроны, они перемахнули через канаву и побежали в лес.

Теперь майор Кольцов прикрывал отход рядовых. Он раскинул ноги в траве, выпускал из автомата по три-четыре пули. Каска показалась над капотом «эмки». Немец спрятал голову, пули замолотили по крыше. Основная масса диверсантов скопилась за колонной, искала щели, постреливая. Подтягивались отстающие, вот один – плечистый малый в съехавшей на лоб каске. Пуля из «ППШ» сняла его. Диверсант ткнулся носом в траву. Остальные открыли кинжальный огонь. Последнему бойцу не повезло – упал ничком. Двое залегли, не добежав до майора. Один не утерпел, поднялся, пробежал несколько шагов, пока его не срезало очередью. Он задыхался, дрожал в агонии. Второго пули настигли лежачим – он закричал, потом затих.

Павел отполз, стиснув зубы. Обернулся – генерал почти достиг леса. Вот он приподнялся, показав широкую спину, оттолкнулся здоровой ногой и повалился за куст. Пули тут же срезали ветки кустарника.

Павел полз следом. Из леса стрелял пистолет – генерал дорвался! И даже попал в кого-то – в стане противника возникло замешательство. Павел задыхался, извивался ужом. Пули свистели где-то рядом, ковыряли землю. Это была какая-то лотерея, где ни умение, ни сноровка не имели значения! Смерть – везде, он чувствовал затылком ее ледяное дыхание...

Последние три метра он отмерил бегом – лопнуло терпение. Павел упал в какую-то яму, вцепился в когтистый ствол осины, поранил ладонь. Оттолкнувшись всеми конечностями, выполз на косогор.

Генерал корчился за деревом. В лице – ни кровинки. Он стрелял из «ТТ», теперь кончились патроны. Серов привалился к дереву, дотянулся до кобуры, стал вытаскивать запасную обойму. Павел произвел несколько очередей. Тоже кончились патроны! Он достал пистолет из кобуры.

– Майор, вы как? – просипел Серов.

– Я в порядке, товарищ генерал-майор. А вы?

– Лучше не бывает, – генерал хрипло засмеялся. – Вот так подловили нас, сволочи... Больше никого не осталось?

– Только мы.

– Плохо, майор, просто так теряем людей... Откуда взялись эти немцы?

– Из леса, товарищ генерал-майор. По болотам прошли, мы не можем заткнуть все дыры... Бежать сможете?

– А ты прикажи – куда я денусь... – генерал попытался принять удобную позу, – что у нас за лесом, не помнишь?

– Должна быть заброшенная деревня. Пока с трудом ориентируюсь...

– Жлобинка... – подсказал Серов, нажимая на спусковой крючок. – Ты прав, была такая на карте... От населения там шиш остался... – внезапно генерал засмеялся, отрывисто, с кашлем, – куда пойдем?

– Пока не знаю, товарищ генерал-майор, – ответил Кольцов. – но я должен вас вытащить.

Немцы теперь прятались в придорожной канаве. Они потеряли несколько человек, но это их не смущало. Генерал с майором отстреливались, очень скоро их укрытие обнаружили и буквально залили свинцом.

Серов сполз по стволу, извлек обойму из пистолета, убедился, что она пустая. У Павла оставалось еще несколько патронов. Он выжидал.

Немцы долго переглядывались друг с другом, потом двое из них поднялись. Прогремел пистолетный выстрел. Дылда в камуфляже уронил автомат, сморщился и рухнул плашмя. Офицер выкрикнул команду – двое подались во фланг – поползли по траве, только дрожащие стебли мятлика обозначили их путь. Остальные опять открыли огонь.

Павел стал переползать за соседнее дерево.

– Товарищ генерал, уходите в лес, я прикрою...

– Уверен, майор? – Серов был настроен решительно.

– Уходите, мне моральная поддержка не требуется. Еще минута – и нас обойдут...

Кольцов посмотрел через плечо – генерал двинулся в заросли, неуклюже подволакивал ногу.

Павел приподнялся. Немцы все ползли, теперь они не решались вставать в полный рост. Махнул «Парабеллумом» офицер – от коптящего грузовика отделились еще трое, нырнули в траву. Теперь вся группа находилась между лесом и дорогой. Позади них лежали мертвые красноармейцы, чадила искореженная техника.

Павел пытался пересчитать немцев. Меньше двух десятков, это точно. Человек четырнадцать-пятнадцать – все злые, бывалые, прекрасно знающие, что они тут делают. Кстати, что они тут делают? Случайная встреча с генералом Серовым, инспектирующим позиции... или у них все шло по плану?

Размышлять не было времени. Майор выжидал, набравшись терпения. От земли холодило. Начало лета было жарким, но земля еще не прогрелась.

Вот и «первая ласточка» – один из немцев приподнялся, вытянул шею. Поколебался, подтянул под себя колено, начал подниматься. Майор затаил дыхание, прижал пистолет к дереву для упора и выстрелил дважды. Немца отбросило в траву. Павел упал, не дожидаясь свинцовых сквозняков.

Теперь в обойме точно было пусто. Немцы ожесточенно долбили по деревьям, густо летели сбитые ветки.

Павел выиграл секунд сорок. Не такая уж слабая фора... Он перекатился за кочку. Главное, не оставаться на месте. Сначала пополз на четвереньках, потом побежал, уворачиваясь от веток.

Стрельба прекратилась – даже думать не хотелось, что там происходит! Диверсанты переключались на своем языке, звуки которого даже до войны вызывали раздражение! Они все поняли и теперь пошли вперед. Прогремела очередь – видимо, добились раненого красноармейца.

Кольцов задыхался, таранил упругий кустарник. Чаща уплотнялась, почва вздымалась волнами. Он догнал генерала, когда тот прислонился к дереву, выплевывал с кашлем сгустки мокроты.

– Пошли, товарищ генерал-майор, пошли... – майор хватал его за рукав, – потом перекуривать будем... Представьте, что вы нормы ГТО сдаете...

Генерал шел, волоча ногу. Павел сопел в затылок – не хватало духу принимать радикальные меры – все же генерал... Деревья и кустарники медленно тащились мимо них! Патроны кончились, не было даже ножа.

Они прошли метров двести, а лес все не кончался. Может, и к лучшему... Чувство опасности гнало вперед – немеющий затылок чувствовал опасность!

Они пробились через кустарник, встали как вкопанные на краю обрывистого оврага. Глубина – за два метра, внизу камни, комья глины, ползущий по склону кустарник. Какая разница, куда он вел?

Они съехали вниз одновременно. Глина сыпалась за воротник, тело обдирали острые камни. Павел первым доехал до дна, взвыл, изогнувшись дугой. Генерал свалился рядом, тоже застонал. Представительный облик генерал Серов утратил начисто. Глина запеклась в волосах, порвалась полевая форма, погон висел на честном слове.

Кольцов поднялся, схватил Серова под мышку.

– Не могу, майор... – хрипел тот, – с ногой что-то... Уходи сам, оставь меня, выбирайся к нашим, все расскажешь...

– Отставить, товарищ генерал, вставайте... – нервный смешок едва не вырвался наружу. Бросить генерала и выйти к своим – это расстрел без суда и следствия, причем совершенно обоснованно. Вдвоем – пусть призрачный, но шанс спастись. – Михаил Константинович, вставайте, вместе пойдем. У вас только нога подвернута, какой пустяк...

– Это приказ, майор... – злился генерал.

– При всем уважении, товарищ генерал, сейчас тут я командую... А в следующий раз поменьше форсите – вам не повредит усиленная охрана, раз такое дело... Уходим туда, через падь, – Павел махнул рукой, – глядишь, кривая и выведет...

Сознание уже мутилось. Но они не сдавались. У генерала разъезжались ноги, приходилось его поддерживать. Кольцов то и дело вскидывал голову, слушал. Немцы вот-вот доберутся

до оврага. Пусть устали, но они в хорошей форме – догонят. И это не учитывая тех, что заходили с фланга...

Они спешили, пока имелась фора, лезли через препятствия, рвали стелющиеся по земле ветки. Крутые склоны висели над головой, корни деревьев пробивались сквозь глинозем.

Лощина петляла. В какой-то миг обострились зрение и слух. Прямо над обрывом нависла шапка зелени. В склоне образовалось что-то вроде ниши, обложенной глыбами глины. Павел среагировал в последний момент – шевельнулись кусты, покатился камень! Кольцов прыжком догнал генерала, схватил под локоть, толкнул к обрыву. Тот споткнулся, пришлось опять хватать его под мышки, вжимать в расщелину.

– Тихо, товарищ генерал... – Они прижались к откосу, застыли. Где-то слева перекликались люди – это далеко, переживем. Пусть решают, в какую сторону бежать.

Реальная опасность исходила сверху. Кто-то пустился наперерез, вырвался к оврагу. Один или несколько? Что он слышал?

Павел упрямо твердил себе: еще не конец, еще есть шанс! Заскрипела глина, глухо кашлянул мужчина. Возможно, немец что-то слышал, но не был уверен. Он прерывисто дышал – запыхался, бегун. Этот явно был один, остальные растянулись по лесу.

Павел покосился на генерала. Лицо Серова превратилось в маску. Он помалкивал, вручив свою судьбу полужнакомому майору. Павел стал медленно приподниматься. Только бы не осыпалось там что-нибудь!

Немец наступил на край, убедился, что козырек не поплывет, подался вперед. Его дыхание было совсем рядом. А нога еще ближе! Кольцов рывком подался вверх, схватился за сапог, дернул! Противник не устоял, шлепнулся мягким местом. Павел вытянул вторую руку, стал тащить немца. Тот вскрикнул только раз. Обвалился пласт земли, следом сверзилась туша в пятнистом комбинезоне – вместе с ранцем, при всем вооружении. Покатилась каска.

Немец пыхтел – крепкий, коротко стриженный – не мальчик, явно мастер своего дела. Но ошибку он уже совершил... Павел навалился, ударил локтем в грудь. Вспыхнул нерв, онемела конечность. Немец словно подавился. В глазах заметалась ярость. Павел схватил его за горло, стал душить. Тот извивался, наносил удары кулаками. Они постепенно слабели, закатывались глаза. Но тип попался толстокожий, такого попробуй продавить!

Пальцы теряли чувствительность. Руки отнимались, дело никак не ладилось. На помощь генерала рассчитывать не приходилось. Шея вырывалась из рук, немец оживал, выплюнул воздушный пузырь.

Камень под рукой оказался очень кстати. Павел схватил его и треснул немца по лбу. Тот икнул, но продолжал шипеть. Майор бил еще и еще. Хрустнула лобная кость, кровь залила диверсанту лицо. Он застыл, выставив вперед скрюченные пальцы. Выпученные глаза стали обретать потусторонний блеск.

Павел отвалился, схватился за горло. Дышать было нечем, словно самого только что душили. Но – некогда давать слабину, он шумно выдохнул.

– Как он, майор? – подполз Серов.

– Спит как убитый... – только смешинки во рту не хватало, – кверху лапками...

– А ты молодец, майор... В вашем ведомстве все такие?

– Да, товарищ генерал, мы одни из немногих. Только убивают нас что-то часто...

Немцы дали передышку. Павел кинулся к истекшему кровью покойнику, прихватил его автомат МР-40 с откидным прикладом, стал опустошать разгрузочный жилет. Выбрасывал запасные магазины для автомата, одну гранату с удлиненной рукояткой. Запихивал магазины за ремень, в брючные карманы, туда же рукояткой вверх втиснул гранату.

– Держите, – сунул он Серову восьмизарядный «Люгер-Парабеллум», – может, согдится. Вперед, товарищ генерал, теперь нам будет веселее...

Он, видно, что-то упустил, слишком занят был. Поднял голову, когда генерал вскинул пистолет. Молния в голове: на него же направил! Грохнул выстрел. Нет, ошибся, пуля прошла рядом. Кожа онемела на макушке. Справа что-то захрипело, осыпалась земля, на дно оврага скатилось очередное тело в пятнистом комбинезоне. Диверсант застыл в неудобной позе – лицом в землю, одна рука вывернута. Впрочем, мертвецу все позы удобны!

Немец еще дышал. Смерть надвигалась, осталось немного – пусть сам разбирается. Павел передернул затвор. Больше никого. Только слева за изгибами оврага кричали люди – уже близко. Он перевел глаза на генерала. Серов приободрился, кривая ухмылка растянула его лицо.

– Верно – стодился, – Серов грузно поднялся, сжимая пистолет, – будем дальше сидеть, майор?

– А вы молодец, товарищ генерал, – пробормотал Кольцов, выходя из ступора, – а я его и не заметил... Все, товарищ генерал, пошли отсюда.

Глава 2

Падали из карманов снаряженные магазины. И куда он столько набрал! Они бежали, не останавливаясь – шанс забрезжил, жить захотелось еще сильнее!

Генерал перестал стонать, молча переживал боль. Он даже ускорился! А майора неодолимая сила тянула к земле, немели ноги. В чем дело, ему ведь только тридцать три!

Впереди были немцы, он слышал их крики. Толкнул генерала: выбираемся наверх!

Лощина отчасти сглаживалась, громоздились бесформенные террасы. Снова лес, но теперь уже светлый, разреженный, а впереди опушка, там яркий солнечный свет! В этом не было ничего хорошего, но выбора не было.

Диверсанты были рядом, лезли из оврага. Какое-то проклятое место – вроде советский тыл, но в радиусе нескольких верст ни одного красноармейца! По крайней мере живого.

Хрустели, словно стреляли, хворостины под ногами. Они выбежали на опушку. По курсу в низине лежала деревня – та самая Жлобинка. Люди в ней не жили. Трава по пояс, кучка строений, вросших в землю, половина из них – погорелки. Поселение маленькое, дворов двенадцать, дальше – снова лес, туда и предстояло добраться.

Срывалось дыхание, ноги не слушались. По дороге мерцала дощатая постройка – крыша просела, из стен вываливался брус. Маленький палисадник на возвышении, символический плетень. Дальше шел спуск в деревню. Слева за хибарой – еще одна, дальше пустырь, за ним опять постройки. Дома стояли как попало, в деревне отсутствовало понятие «улица» – где-то густо, где-то пусто. За жилыми домами шли амбары, развалившиеся курятники, сеновалы...

– Бегите прямо, товарищ генерал... – Кольцов задыхался, выплевывая слова, – не вздумайте остаться, я вас потом не вытащу... Пересечете двор, схоронитесь на той околице... И ради бога, не возражайте...

Майор перевалился через жердину плетня. Генерал уходил, но озирался, делал странное лицо. Он уже спустился в низину, мелькал в просвете между строениями. Павел облегченно выдохнул, подтянул к себе автомат.

Он лежал за плетнем, наблюдая сразу всю опушку. Спихнулся, стал вытряхивать все, что осталось от бывшего богатства. Запасной магазин, граната... остальное потерял! Он задыхался от злобы. Ну, где вы, гады?

Несколько человек выбежали на опушку, припустили к деревне. Это были не все, в лесу оставались другие.

Павел начал стрелять короткими очередями. Длинными нельзя – не то изделие. Сплоховали немецкие конструкторы, автомат при стрельбе раскаляется, как духовка, яйца жарить можно!

Двое разбежались в разные стороны. Он не стал дожидаться, пока его засекут, перекатился. Пули перепалили косогор. Павел приподнялся, снова выстрелил. Фигурки диверсантов сделались нечеткими, потекли, как сахарные головы. Когда же они кончатся?

Часть отряда удалось загнать обратно в лес, еще парочка диверсантов залегла в высокой траве. Он перекатился по траве, вставил новый магазин, снова дал очередь. Левая ладонь покрылась волдырями. Автомат захлебнулся – все, закончены стрельбы. А ведь еще остались патроны в магазине!

Он сполз с косогора, стал изо всех сил рвать заевший затвор, в сердцах отбросил ненужную уже железяку. И как только фрицы с таким дерьмом до Москвы дошли!

Слева что-то мелькнуло – он уловил движение. Метрах в семидесяти трое попадали в бурьян. Они уже фактически в деревне!

Павел юркнул в просвет между строениями...

Дальше все было как в тумане. Пот щипал глаза. Он метался по пустырю. Ветхие постройки вставали шеренгами, двоились. Серов пропал.

И что это приспичило немцам? Сотворить второго генерала Власова – первый уже не авторитет? Выжать все, что знает, и с «почетом» расстрелять?

Он уловил взмах руки из-за угла: генерал! Павел прыжками понесся через пустырь. Серов пятился, продолжал махать. До леса оставалось совсем чуть-чуть... Злая очередь стегнула справа, вспорола землю.

И снова все стало другим. Майор был один на пустыре, представляя собой прекрасную мишень. Он кинулся влево – по кратчайшему пути. Чернела оконная глазница, он перевалился через подоконник – даже прыгать не пришлось, завозился в каком-то заплесневелом хламе, загремели ведра, затрещали под ногами трухлявые доски. Убийственный запах, впитавшийся в стены, явственно намекал, что эта постройка никогда не была жилой. Она состояла из секций. Павел плутал, попадал из одного отсека в другой, теряя ориентацию.

Наконец он вылетел из дверного проема, вбежал в соседнюю постройку, на минуту привалился к стене. Славно пробежался. Здесь стояли пыльные верстаки, валялся ржавый инструмент, обрывки выцветших советских плакатов, призывающих беречь и умножать социалистическую собственность. Немцы в 41-м обогнули этот хутор и больше в нем не появлялись – что тут делать?

За стенами перекликались диверсанты – они снова его потеряли. Их упорству можно было позавидовать.

Павел пробрался к противоположному выходу – он маячил перед глазами. Уже у выхода уловил снаружи шорох, застыл...

В помещение пробрался один из «пятнистых»! Запыхался, каска набекрень. Автомат он держал на взводе, сам подался вперед, двигался мелкими шажками.

Они столкнулись лоб в лоб. Павел ударил ребром ладони по затворной раме, выбил оружие. Оставались кулаки.

С подобным майор Кольцов еще не сталкивался: они одновременно послали друг друга в нокаут! Немец треснулся затылком об косяк, каска забренчала по полу. Кольцов упал на спину, в глазах потемнело. Он собирал себя по фрагментам: подтягивал колени, шарил по полу.

Немец оторвался от косяка, его шатало, глаза сбились в кучку. И без того не красавец, а теперь и вовсе пьяный забуддыга, стащивший чужую одежду, он вздрагивал, издавал рыгающие звуки, ощупывал припухшую скулу. Глаза наполнялись яростью. Кричать он не мог – что-то сломалось в его челюстно-лицевом хозяйстве.

Беззвучно разевая рот, фашист бросился в атаку – а майор не успел подняться! Но ручку ржавого ведра ухватить успел. Отчаяние удесятило силы. Он послал ведро навстречу немцу и попал ему прямо в лицо! Ведро было с зазубринами, практически без дна. Немец упал на колени, схватился за голову. Кровь сочилась между пальцами.

Кольцов поднялся, добил противника по макушке огрызком доски. Доска переломилась. Диверсант качнулся, но не упал. Лицо утратило всякий смысл. В брючном кармане что-то мешалось, стесняло движения. Павел тоже тормозил, движения отставали от мыслей. Он вытянул застрявшую в кармане гранату-«колотушку», стиснул рукоятку и ударил металлической болванкой немца по виску. На железке остались разводы крови. Фашист завалился на бок – большего от него ничего и не требовалось.

Павел привалился к косяку, переводя дыхание. А что, нормальный подход. Пошатываясь, он выбрался наружу...

И снова попал в переделку! За углом топали солдаты, горланил офицер. Павел бросился за угол, потом передумал. Смерть уже здесь, незачем торопить события. Резким движением он скрутил колпачок с торца рукоятки, дернул за выпавший оттуда шнурок и бросил гранату в немцев. А сам вприпрыжку помчался за дальний угол, нырнул в поворот и прижался к стене.

Заряд сработал у диверсантов под ногами. Передних разнесло, остальные шарахнулись обратно. Павел высунулся из укрытия. Плавали клубы порохового дыма. Трое валялись в живописных позах. Самому незадачливому оторвало ногу – он фактически наступил на гранату.

Павел кинулся в просвет между ближайшими хибарами. За ними снова плетень, покатым травянистый подъем, спасительный лес...

– Майор, сюда! – хрипло выкрикнул знакомый голос, и он свернул на звук. Серов выглядывал из-за поленницы, грязный с ног до головы. За спиной кричали. Генерал стрелял из «Парабеллума», закусив губу. Молодец, Михаил Константинович, не сбежал! Кольцов втиснулся за поленницу. Трое или четверо немцев перебежали в дыму, один корчился, держась за живот.

Серов опустошил обойму, вопросительно глянул на майора.

Они пробирались мимо завалившейся бани. Странные мысли в голове: сейчас бы так охотно променял шило на мыло! Трухлявые сараи, «падающий» колодец, силосная яма, распахнувшая пахучее нутро...

– Ты крепкий орешек, майор... – бормотал Серов, – а я подумал, что это ты себя взорвал...

– Не дождутся, товарищ генерал, мы еще помотаем им нервы... А вы тоже, простите, парень хоть куда... Не только на военных картах играть умеете...

В лес их не пустили. Самый шустрый из диверсантов оказался сбоку и спутал все планы. Очередь пропоролла землю под ногами, когда они подбежали к опушке. Серов споткнулся. Павел схватил его под руку, поволок дальше. Вторая очередь едва не перебила им ноги.

Сопротивляться было нечем. Два шага до леса – но это дальше, чем до Берлина. А ведь столько жил порвали... Павел словно уткнулся в стеклянную стену, угрюмо посмотрел в недосягаемую чащу. Застонал генерал, подкосились ноги. Павел медленно повернулся. Немцы не стреляли. Одиночная фигура приближалась сбоку, целая компания – от деревни. Подходили неспешно, устали – умотал их майор. Картинка расплывалась, лица диверсантов превратились в кляксы.

Самый первый был точно офицер. Он молча, с угрюмым высокомерием смотрел в глаза Кольцову. Потом покачал головой и ударил автоматом Кольцова в висок. Жизнь на этом не закончилась, но взяла паузу...

Череп трещал – казалось, его раскололи, а содержимое залили кислотой. Пленных оттащили в лес, но, видимо, недалеко, бросили на поляне – ощущался острый аммиачный дух. В низине было болото, гудели комары. Павел лежал на боку со связанными за спиной руками. Кроме головы, ничего не болело – он просто не чувствовал тела. Зрение постепенно возвращалось. На душе было пусто – неужели смирился? Под боком стонал генерал Серов, он лежал лицом вниз, ему тоже связали руки бечевой.

– Майор, ты жив? – голос был слабый, дрожал.

Павел промычал что-то утвердительное. Генерал глубоко вздохнул. Говорить было не о чем. Подбадривать друг друга, уверять, что вот-вот примчится красная кавалерия? Генерала взяли живым, это знатный улов. Майор тоже пока на этом свете. Впечатлили красные корочки контрразведки СМЕРШ? Удостоверение валялось в траве.

Бубнили голоса – диверсанты переговаривались в стороне. Их было пятеро, включая офицера. Все, что осталось. Пиррова победа, но все же не поражение. Солдаты были в мрачном расположении духа, затягивались сигаретами. Офицер морщился, что-то говорил, поглядывая на ручные часы. Ему было не больше тридцати.

Офицер повернул голову, пристально посмотрел на майора, подавшего наконец признаки жизни. Потом пришлепнул на руке комара, скривился, словно был уверен, что тот – малярийный. Подошел к пленным, остальные держались на удалении.

– Вы понимаете по-немецки?

Павел понимал, но решил отделаться молчанием.

– А по-русски понимаете? – спросил офицер. Акцент был сильный, но слова он выговаривал правильно. Солдаты усмехнулись. Павел снова промолчал. – Поднимитесь, пожалуйста.

Майор поднялся. Это было трудно, учитывая связанные руки, но Павел справился. Не хотелось принимать смерть в лежачем положении. Он стоял, пошатываясь, смотрел офицеру в глаза. Можно было плюнуть, хотя – вряд ли, в горле была сухость, как с тяжелого похмелья.

– Обер-лейтенант Циммер, – представился офицер. – Вы сотрудник военной контрразведки Красной армии?

– Нет... – проскрипел Кольцов.

– Нет? – озадачился обер-лейтенант. – Мы что, ошибаемся? Или вы не являетесь сотрудником военной контрразведки?

– Это значит русский язык учи, дубина...

Офицер вспыхнул, отвесил Павлу пощечину. Подломились ноги, Кольцов упал. Никакого уважения к офицеру Красной армии... Повторно подняться уже не просили. Кто-то ударил по ноге, но от этого было ни холодно ни жарко. Немцы снова закурили в тесном кружке.

Пошевелился генерал Серов, обвел пространство мутными глазами.

– Эх, майор, как же нас с тобой на мякине провели... Ладно, другие доводят, с нами уже все ясно... В плен попали, какой позор... Сейчас бы пистолет с одним патроном...

– А лучше с полной обоймой... Вас крепко связали, товарищ генерал?

– Не знаю, я рук не чувствую... И в траве, как назло, ничего острого. А ты как?

– Мог бы развязаться, но на это уйдет не меньше часа. Циммер растерян, он потерял почти всю свою группу, на это они не рассчитывали. Теперь им нужно убираться, а это сложно – забрались слишком далеко.

– Они не собираются углубляться в наш тыл?

– Думаю, нет. Они не в том облачении и выполняют другую задачу – в ближнем тылу... Вы заранее планировали эту поездку?

– Да, это не было секретом...

Подошел один из солдат, ударил сапогом по ноге, прокричал: «Schweigen!». Генерал закрыл глаза, стиснул челюсти. Кольцов прислушался к разговору. Обер-лейтенант определенно был растерян. Отловить советского военачальника – крупная удача, но что дальше? Скоро в район придут русские, возможно, они уже на подходе – от генерала давно нет вестей; он не прибыл в очередной пункт своей поездки, да такая стрельба стояла в округе! От майора Красной армии нужно избавиться, какой бы заманчивой ни выглядела перспектива доставить в штаб офицера контрразведки. Двоих не утащить. А за генерала им гарантировано по Железному кресту. Уходить надо краем леса, желательно не лезть в болота...

«Вот и прибыл ты, майор, – подумал Кольцов. – сейчас тебя расстреляют».

Диверсанты закончили перекур и потянулись на бугорок. Впереди выступал бледный унтер-офицер с рыбьими глазами. Автомат он проигнорировал, рука потянулась к кожаным ножам, висевшим на поясе.

Впоследствии Павел понял, почему стрелок выжидал. Немцы стояли в низине, у кромки болота, и он ждал, пока они поднимутся на возвышенность.

Очередь из «ППШ» расколола тишину! Унтер схватился за живот, выпучил глаза. Упал нож, рухнул его обладатель. Свалился еще один, взвизгнул Циммер. Уцелевшие разбежались.

Стреляли от опушки, причем один человек.

Жилистый немец вскинул автомат, опустошил часть магазина, пока у него во лбу не появилась дырка – он замертво повалился в траву. Двое выживших, включая Циммера, кинулись в низину, затрещали ветки. Открыли оттуда беглый огонь.

Со стороны деревни перебежала фигура, слилась со стволом дерева. Вот так сюрприз! Ну, как не подсобить родному человеку! Генерал заволновался. Пусть лежит, пока не до него...

Павел, извиваясь, пополз, упиравшись пятками, к мертвому унтеру. Тот лежал на животе, вывернув голову. Пришлось постараться, чтобы пристроиться спиной к его ножу. Поднимать голову было неразумно – свистели пули. Противостояние превращалось в позиционную дуэль: одинокий стрелок берег патроны, он мог лишь контролировать немцев, мешал им выйти из болота.

Кольцов судорожно резал веревки. Лезвие срывалось, ранило запястья. Наконец пути опали. Возмутился генерал, требовал, чтобы освободили и его. Павел проигнорировал эти призывы. Он вытащил из-под мертвого немца автомат, дополз до ближайших деревьев и оказался на фланге немцев, они его пока не видели.

Павел пристроился на корточки за узловатой многорукой осинкой. С опушки раздавались одиночные выстрелы. Стрелок, похоже, выдохся. Он сделал все, что мог.

Со своей позиции Павел видел профиль одного из диверсантов. Тот сидел за кочкой, сжимал автомат до судорог – белели костяшки пальцев. Как же ему было страшно – пот ручьем стекал по бледному лицу. Павел уперся плечом в отросток ствола, прицелился, затаив дыхание. Немец что-то почувствовал, скосил глаза и уставился, как зачарованный, в дырочку ствола. Павел плавно нажал на спуск. Автомат выплюнул несколько пуль. Диверсант повалился на землю.

Майор выскочил из-за дерева, пробежал несколько метров, снова залег. Теперь в него мог попасть не только немец, но и свой. Впрочем, последний помалкивал.

Обер-лейтенант Циммер сидел за деревом, напряженно смотрел вдаль. Со стороны опушки прогремел выстрел – очевидно, для затравки. Циммер повелся – привстал, выпустил очередь из автомата. И все... патроны кончились. Он с досадой отбросил автомат, выхватил из кобуры «Парабеллум». Снова привстал, отправил в «молоко» две пули.

– Циммер, сдавайтесь, все кончено! – крикнул по-немецки Павел.

Их взгляды встретились. Немецкий офицер угрюмо смотрел на Павла: сдаваться ему никак не хотелось. Он вскинул пистолет – майор успел прыгнуть в кусты. Пули ковырнули дерн прямо под носом. Землей залепило ноздри, измазало лицо. Он осторожно поднял голову – и снова спрятался. Циммер произвел выстрел. Это было крайне рискованно, но такова уж служба...

В обойме немца оставалось три патрона. Павел перекатился по земле, отметив, что «Люгер-Парабеллум» еще не облегчился до конца. Очередь над головой немецкого офицера – и того засыпало ветками с листвой.

– Циммер, прекратить сопротивление! Мы гарантируем вам жизнь...

Военнопленных на этой войне практически не расстреливали – если они не принадлежали к организациям типа СС или СД. Стреляли своих – за трусость, за дезертирство, мародерство, невыполнение приказов.

Циммер позеленел от страха. Он выстрелил по мечущейся за деревьями фигуре, грязно выругался, обнаружив, что пистолет пуст, а враг, живой и невредимый, поднимается из-за кустов.

Павел подходил, держа офицера на прицеле. Циммер отбросил пистолет – все равно не успел бы сменить обойму, затравленно оглянулся вокруг и попятился.

– Без глупостей, Циммер! – прикрикнул Павел. – Руки вверх и – ко мне!

Но тот продолжал пятиться. Защемил ногу, выдрал ее из перехлестов корней. Снова обернулся, быстро зашагал в чащу. Очередь над головой ничуть не впечатлила его, только ускорила шаг.

Замысел Циммера майор понял не сразу. Тот не спеша спускался в низину. Упрашивать его, что ли? Чавкала трава под ногами. А Циммер уже проваливался. Он брел по колено в жижу, потом вдруг обернулся: физиономия его была смертельно бледная.

– Циммер, ты куда? – напрягся Кольцов. – Кончай дурить, из этого болота тебе не выбраться!

Но тот уже не мечтал о воле. Закончилась служба на благо великой Германии. Он широко шагал, преодолевая сопротивление болотной жижи. Впереди раскрывалось «окно», заросшее мелкой ряской. Сапоги погрузились в топь, жижа поднималась к бедрам. Павел побежал за ним, он уже все понял. Немец тоже зашпешил – боялся, что его схватят за шиворот. Ахнул, провалившись по живот! Машинально подался назад, но передумал, продолжал движение. Он повернулся и опять посмотрел в глаза врагу. Дрожал гладко выбритый подбородок. Трясина засасывала, он ушел в нее уже по грудь.

– Циммер, не шевелись! – Павел подпрыгнул, схватил корявую ветку, растущую из заско-
рузлого ствола, стал пригибать к земле. – Циммер, прекращай чудить, хватайся за ветку!

Ариец вполне мог выжить. Листья хлестали его по лицу, нужно было только схватиться за ветку. На губах появилась надменная усмешка. Ладно, хоть «Хайль Гитлер» не кричал. Кончились силы, Павел отпустил ветку – для кого старается? Циммер отвернулся – надоело. Болото засосало его по шею, последний глоток воздуха, последнее движение. Но точку невозврата он уже прошел, утонул загривок, вихор на макушке. Чавкнуло болото, стало тихо. Павел сплюнул и побрел назад.

Капитан Леонид Караган тоже выглядел неважно. Обмундирование висело клочьями, он глупо улыбался, блестели стекла очков, без которых он был слепой, как крот. Караган сидел на коленях и резал веревки на запястьях генерала.

– Молодцы, товарищи офицеры, спасибо... – кряхтел Серов. – Всех отличившихся представим к наградам, а виновных накажем... – он выдохнул с облегчением, почувствовав свободу.

– Служим трудовому народу, товарищ генерал-майор, – пробормотал Караган и поднял на майора задумчивые глаза. – Не повезло, Павел Игоревич, ушел?

– Утонул, скотина... – сплюнул Кольцов.

– Жалко, что упустили, майор, – простонал Серов. – Он мог бы многое рассказать... Ладно, за всеми не угонишься, кто же знал, что он так поступит...

– Остальные тоже мертвы, – скорбно заметил Караган. – Я уже проверил.

– Леонид, не ожидали... – выдохнул Кольцов, падая на землю. – Не представляешь, как я рад тебя видеть... Ты откуда взялся? С того света решил вернуться?

– Не понравилось мне на том свете, – Караган хищно оскалился. – Хотя компания там неплохая, наших много... Шибануло меня крепко, Павел Игоревич, – объяснил капитан. – Ты, наверное, видел мои скорбные мощи после взрыва. По мозгам дало, отключился надолго. Потом очнулся – нет никого, только мертвые лежат, стреляют где-то... Ну, побрел я по трупам, их там много – и наших, и не наших... В лесу заблудился, потом на выстрелы пошел, к деревне выбрался. Мне тут работы почти и не осталось...

– В плену побывали, надо же, – криво усмехнулся Серов, – запятнали позором биографию...

И было непонятно, то ли шутит генерал, то ли нет.

– Это не считается, товарищ генерал-майор, – с ухмылкой констатировал Караган. – Плен продолжительностью менее получаса таковым не является – просто недоразумение. Зато оцените: под вашим руководством мы полностью уничтожили группу матерых диверсантов.

Все трое засмеялись, закашлялись. «Но сообщить об этом придется, – подумал Кольцов. – Любой особист легко поймет, что здесь произошло. А в целом мы молодцы, умеем выходить из сложных ситуаций, которые сами же и создаем».

– Ладно, товарищи офицеры из специальных органов, посмеялись и будет, – прокряхтел генерал, поднимаясь. – Давайте выбирать. Не все же глухие в этом районе...

Трое «леших» вышли из леса в тот момент, когда в деревню въехала полуторка с красноармейцами. Остановилась на пустыре, автоматчики высадились, разбежались по деревенским закоулкам.

Там было на что посмотреть. Далекую опушку бойцы не замечали. Пришлось взять немецкий автомат и послать в воздух несколько пуль. На всякий случай подняли руки, чтобы не стреляли.

Автоматчики заметались, кто-то сообразил, показал на генерала пальцем. Несколько человек припустили к лесу. Впереди спотыкался рослый капитан, что-то кричал, улыбка цвела на его щекастой физиономии.

– Молодцы, оперативно среагировали, – проворчал Серов. Смеяться уже не было сил...

Глава 3

«Разбор полетов» последовал в этот же вечер. Генерал Серов рвал и метал. Он забежал в санчасть, откуда вышел с рукой на перевязи и вправленной щиколоткой и незамедлительно созвал совещание.

Генерал орал так, что разбегались, поджав хвосты, окрестные собаки. Почему диверсанты приходят в наш тыл, как к себе домой?! Может, им ковровую дорожку постелить, чтобы удобнее было, пропуска выписать, абонемент на месяц? Почему фашисты знают о наших планах лучше, чем мы?! Почему они оказываются там, где им нужно, а мы – нет?! Сколько еще народа должно погибнуть, чтобы службы, ответственные за безопасность тыла, начали работать?! Посмотрите, что творится! Если бы не СМЕРШ, где бы мы сейчас были?!

Штаб механизированного корпуса располагался в Старополотке. Части и соединения дислоцировались западнее, севернее и южнее – благо лесов в районе хватало. Мобильные соединения маскировались, войска передвигались только ночью. На участках, просматриваемых с воздуха, войск не было вовсе – работали одни патрули.

В городке до оккупации проживало несколько тысяч населения. Работали элеватор, хлебозавод, льняная фабрика, машинно-тракторная станция, обслуживавшая окрестные совхозы. Немцев выгнали две недели назад, когда ликвидировали опасный выступ, зависший над 3-м Белорусским фронтом. Гитлеровские войска отступали в спешке, советская пехота заняла городок почти без боя.

Подобная история, только с обратным знаком, была в 41-м – Красная армия катилась на восток, и толком зацепиться в городке не успели – танковая группа зашла с севера, создав угрозу окружения. Поэтому разрушений в Старополотке почти не было.

В период оккупации местные предприятия фактически не работали; функционировал лишь хлебозавод, выпекая хлеб для немецкой армии, да пара столярных мастерских. Население оккупанты сокращали – вывозили в Германию на работы, расстреливали за связи с партизанами и подпольщиками. Большого значения городок не имел: здесь не было железной дороги, отсутствовали шоссейные трассы. Сопrotивление оккупантам носило неорганизованный характер.

В городе находились немецкий гарнизон, комендатура, солдатский госпиталь. Теперь здесь так же работала комендатура – уже под красным флагом Советского Союза, – при ней комендантский взвод, штабная рота, взвод связи, довольно крупный госпиталь, включающий офицерское отделение. На юго-восточной окраине дислоцировались вспомогательные подразделения – инженерная рота, полевая почтовая станция.

Городок был компактный, в основном одноэтажный. В центре три главные улицы – Зыряновская, Садовая и 1-го Интернационала (переименованная оккупантами в Кабинетную). Пересекались многочисленные переулки, безымянные проезды. Имелись пруды, откуда граждане брали воду, обмелевшая речушка Сырец, петляющая по городу.

Население Старополотка к лету 44-го едва превышало тысячу человек – в большинстве это были пенсионеры и инвалиды. Впрочем, прибывали граждане из восточных областей, их распределяли по пустующим домам, давали работу. Не покладая рук трудилось отделение НКВД, проверяя прибывших и оставшихся местных. Каждую ночь проводились аресты – по сигналу выезжали специальные группы. Людей хватили за сотрудничество с оккупационными властями, за службу в полиции, за «поведение, недостойное советского человека»...

Штаб корпуса разместился на Садовой и Зыряновской, связанных переулками. Здания стояли плотно – средняя школа, бывшее ремесленное училище, столовая хлебозавода. Для размещения служб помещений хватало. С переборами работала электростанция, иногда давали воду.

Офицеры ночевали при штабе, в наспех оборудованных комнатах; другие квартировали в окрестных домах.

Отдел СМЕРШ разместился в западном школьном крыле, рядом с гаражом. Здесь же сидели связисты, дешифровальщики, этажом выше – сотрудники государственной безопасности. Жили офицеры в смежных комнатах, спали на матрасах, позаимствованных в спортзале, по очереди носили воду.

Отчитавшись перед начальством, Павел рухнул без задних ног, проспал четыре часа – благо никто не будил. Проснулся самостоятельно, с горечью во рту и чувством неясной тревоги. Сунул папиросу в рот, поблуждал по пустым комнатам, приводя в порядок мысли.

Во дворе гудели машины. Он спустился вниз. В морг больницы, расположенный в соседнем переулке, привезли тела погибших. Работала похоронная команда, командовал молодой офицер из особого отдела. Он собирал красноармейские жетоны, солдатские книжки, фиксировал в журнале фамилии выбывших, кратко и формально – место гибели, обстоятельства, «пал смертью храбрых, защищая советскую землю»...

Неподалеку, прикрывая носы, толпились военные – в воздухе уже витал сладковатый запах.

Рядом с телом лейтенанта Левицкого стояли офицеры его отдела – капитан Караган, лейтенанты Цветков и Безуглов. Караган проснулся раньше командира, и сейчас тер воспаленные глаза. Плакали девчонки из дешифровального отдела – Светлана и Татьяна. В последнее время Саню Левицкого часто замечали в их компании. Девчонки были простые, веселые, бесстрашно шли на флирт. Саня Левицкий до последнего не мог определить, кого из них предпочесть. А сейчас они держались в стороне, шмыгали носами, не решаясь подойти. Мертвый оперативник мало походил на себя живого – лица не узнать, весь белый, кровь из раскроенного черепа запеклась в волосах.

Подошел начальник отдела контрразведки корпуса полковник Шаманский – грузный мужчина лет пятидесяти с нездоровыми почками, – мрачно посмотрел на покойника. Потом бросил Кольцову: «Позднее зайди ко мне» и отправился тяжелой походкой в переулок.

– Эх, Саня, Саня... – мрачно протянул лейтенант Вадим Безуглов – приземистый, плотный, с седыми жесткими волосами. Совсем недавно ему исполнилось тридцать три, но выглядел оперативник лет на десять старше.

– Не к лицу ему быть мертвым, товарищ майор, – жалобно протянул лейтенант Коля Цветков – молодой, темноволосый, ладно сбитый, – я умом-то понимаю, но вот... никак не верится. Такой живой был, веселый, баб любил... Черт, у него же сестра в Ленинграде, блокаду пережила, он ей посылку недавно отправлял...

– Адрес есть? – спросил Кольцов.

– Да, товарищ майор. У него в блокноте под подушкой.

– Вечером помянем, – пообещал Павел, – если опять ничего не случится. Самогон остался?

– Самогон остался, – подтвердил Николай. – Немного, правда. Мы его под керосин замаскировали, чтобы не увели, и на подоконнике за газетами спрятали. Вот только стола у нас нет...

– Так придумайте, давно пора, – скрипнул зубами Кольцов. – Мы в школе живем или где? Чтобы к вечеру у нас стояли стол и стулья...

Подошел начальник дешифровальщиков майор Колбин – интеллигентный, всегда с таким видом, словно надел военную форму по недоразумению. Молча постоял, удалился. Приблизился молчаливый субъект с неподвижным лицом – подполковник Марычев, заместитель начальника отдела политической пропаганды. Офицеры вытянулись по стойке «смирно», но он поморщился: ладно, не сегодня. Пару раз вздохнул, печально покосился на Кольцова и зашагал к штабу.

Собравшиеся с уважением поглядывали на майора – слухи распространялись с космической скоростью. Во всем происходящем ощущалось что-то натянутое, неестественное. Пройдет неделя, другая, кончится затишье, и вернется ад войны. Люди будут гибнуть тысячами, десятками тысяч, погибнут и многие из тех, кто сейчас находится в этом дворе...

Полковник Шаманский был у себя в кабинете, окуривал пространство терпким дымом. Он стоял у окна, курил в форточку, не замечая, что она закрыта.

– Разрешите, товарищ полковник?

– Заходи, герой, – полковник оторвался от подоконника, мазнул майора придирчивым взглядом. – Ну, и как оно, в плену?

– Тоскливо, Георгий Иванович, – признался Кольцов. – Но, если честно, даже вжиться не успел, так быстро все закончилось. Вы у генерал-майора Серова спросите.

– Вот только не надо, майор, – поморщился полковник. – Я все понимаю, обстоятельства были сильнее вас, но вы справились и вышли победителями. Серов уже ходатайствовал о вашем с Караганом представлении к наградам. Понравились вы ему. А я считаю, – полковник снова рассердился, – что расстрелять вас надо за такую работу.

– Я понимаю, товарищ полковник, – Павел напустил на себя покаянный вид, – свою вину в случившемся мы частично признаем – поскольку девяносто процентов за то, что группа вооруженных диверсантов проникла на нашу территорию тем же путем, что и предыдущая. И снова мы никого не взяли живьем. В свое оправдание могу отметить нехватку личного состава. Сотрудники зашиваются, много дел. Нас привлекают к фильтрации граждан, прибывающих на освобожденную территорию. Это неразумно, товарищ полковник. Органы милиции и ГБ могут справиться сами. Дел хватает и в городе – мы не можем блуждать по отдаленным лесам в поисках тайных троп. Привлеченные войска только усиливают неразбериху и затаптывают следы. А после гибели лейтенанта Левицкого нас стало еще меньше. У командования сложилось мнение, что органы контрразведки укомплектованы полностью и им грешно жаловаться...

– Это понятно, – махнул рукой полковник. – Я постоянно ходатайствую перед армейским руководством об усилении прифронтовых отделов. Мои призывы уходят в пустоту, поэтому будем довольствоваться тем, что есть. Что думаешь по поводу текущих событий?

– На той стороне сидят не дураки. Появление диверсантов Циммера неслучайно. Позвольте наблюдение, товарищ полковник. Обер-лейтенант был гладко выбрит – но ему ничто не мешает бриться в полевых условиях, если человек привык следить за своим видом. Остальные выглядели так себе – мятые, щетинистые. Отсюда можно сделать вывод, что перешли линию фронта они не сегодня. А, скажем, вчера или позавчера. При них могла быть рация, которую они оставили в своем ночном убежище. Сидели в безлюдной местности, ждали сообщения. А когда получили, стали выдвигаться по заранее намеченной тропе. Допускаю, что их провел кто-то из местных жителей. При штабе есть «крот», который сливает секретные сведения в немецкий радиоцентр. Иначе объяснить не могу, как немцы узнали, что Серов будет в прифронтовой полосе с минимальным числом охраны. Агент послал радиограмму за линию фронта – оттуда ее переправили Циммеру, и он начал действовать...

– Да, это похоже на правду, – признал Шаманский, – поскольку место для засады выбрали идеально – тут немцы не импровизировали. Увы, при штабе не держали в секрете, что Серов намечает инспекцию. Знали это многие – не один десяток человек. Копать отсюда – до конца войны провозимся и работу штаба парализуем. Впрочем, дело твое, майор. Копай откуда нужно. С завтрашнего утра занимаешься только этим делом. Мы должны выяснить, что у нас происходит, и это – не блажь. Или будем дожидаться фронтовой комиссии по расследованию? Готовится наступление, надо до последнего держать противника в неведении. Немцы могут подозревать, проверять – это их право. А мы не должны пускать их в свои планы. Почему напротив нас скопились несколько танковых полков? Зачем эта игра мускулов? Прорвать фронт только ради прорыва? Что они замышляют? Кто передает сведения? Выявить

тропу, по которой диверсанты проникают на нашу территорию... Запишешь или так запомнишь? Все, иди, работай. Скажи завгару, чтобы выдал вашей группе транспорт – по моему приказу и под твою ответственность.

– Разрешите идти, товарищ полковник?

– Да, иди, майор...

Утро следующего дня выдалось таким же пригожим. Ночью прошел дождик, прибил пыль. Хорошо дышалось. Впрочем, было обоснованное опасение, что к полудню снова будет пекло.

Полноприводный «ГАЗ-67», лишь недавно начавший поступать в войска, бодро прыгал по ухабам. Последний пост проехали четверть часа назад. Офицеры косились на мелькающие перелески. Цветков, сидящий за баранкой, пристально вглядывался в дорожное покрытие – мины и фугасы были здесь частым явлением. Эту тему перед поездкой Кольцов выделил особо: может, лучше на чужих ошибках поучиться, а не на своих?

Он незаметно покосился на своих подчиненных. У Карагана – высшее образование несмываемой краской на лице. Родом из Ломоносова (бывшего Ораниенбаума), встретил начало войны на Карельском фронте, отправил жену в эвакуацию, а сам застрял под Петрозаводском. С женой случилась неприятность – выжила, но нашла другого – главного инженера эвакуированного на Урал завода. Прислала покаянное письмо, умоляла простить, не держать зла. Это лишь прибавило цинизма капитану – стал язвительным, подчас совершенно невыносимым. Иногда создавалось впечатление, что он специально лезет под пули. Вдруг становился упрямее осла – приказы выполнял, но свое мнение оставлял при себе и всячески его выпячивал. То, как он вел себя вчера, Кольцова поразило – не ожидал. Невольно зауважал подчиненного, имея тайное опасение, что теперь тот станет совсем нестерпимым...

Вчерашнюю контузию капитан пережил. Зрение – и без того неважное, на слух Караган не жаловался. Временами беспричинно бледнел, откидывал голову.

Лейтенант Безуглов косился на него с сочувствием. Ходатайство о присвоении Безуглову очередного звания было отправлено по инстанции еще два месяца назад. Но где-то затерялось, от высокого начальства – ни слуху ни духу. Этот парень от войны пострадал больше других. Родителей лишился еще в тридцатых – эту тему он всячески замалчивал. Вряд ли они стали жертвами репрессий – иначе он не оказался бы на работе в особом отделе. Но имелись жена, двое маленьких детей, родители супруги. Вся семья погибла осенью 41-го в Подмосковье, не доехав до эвакуационного пункта – немецкие бомбардировщики уничтожили готовый к отправке состав и всех, кто в нем находился. Прошло почти три года, а Безуглов так и не оправился, угрюмость стала натурой. Но природная смекалка у мужика работала, со служебными обязанностями справлялся исправно.

Коля Цветков был моложе всех – и, пожалуй, единственный, кому судьба благоволила. Сам из Омска, родня далеко, окончил школу милиции, потом училище НКВД, летом прошлого года переведен из армейского особого отдела в новую структуру, СМЕРШ. Фантазия у парня бурлила, но от земли он не отрывался. За всю войну – легкое ранение в плечо и сломанная рука, причем все зажило как на собаке. Случалось, что он бравировал своей «бессмертностью», но подобные проявления Кольцов строго пресекал, при этом приговаривая, что мертвый герой – это хорошо, но живая «рабочая лошадка» – делу нужнее...

– Николай, скорость сбавь, разогнался. О чем мечтаешь?

– Виноват, исправлюсь, – лейтенант спохватился, стал прерывисто тормозить. Машина перевалила через косогор. Впереди расстилалось поле, за ним – лес, который в связи со вчерашними событиями совершенно не хотелось видеть.

– О девчонках-дешифровальщицах мечтает, о чем же еще? – проворчал Караган, – Левицкого больше нет, можно ухаживать.

– Да иди ты, – буркнул Цветков, – и как язык только повернулся? У нас работы непоча-тый край, какие тут амуры с лемурами... Я об этом даже и не думал, подумаешь, обмолвился с Танькой парой слов...

– Когда Левицкий не видел, – хмыкнул Караган, – а то бы выписал тебе промеж глаз. Он этих девиц своей собственностью считал – на обеих, видать, жениться собирался. Танька мячик в реку уронила, представляете, товарищ майор? – встрепенулся Караган. – Вот, ей-богу, не вру. Спущенный мяч нашли в школьном хозяйстве, надули и затеяли со Светкой волейбол на Сырце. Они же обе спортсменки, нормы ГТО сдавали по всем категориям. Так наш Коляша, как увидел, живо сапоги скинул, да за мячом поплыл, пока его течением не унесло.

– Ладно, не вгоняй парня в краску, – сказал Павел, – а то завезет не туда.

– Глупости, – фыркнул Цветков, – рано мне еще. И самосад ваш курить, и самогонку пить, и за бабами увиваться. Воевать вот только не рано. Вы знаете, кстати, что Саня не только за Танькой со Светкой ухлестывал? Эти безвредные, незамужние. Помните, к нам вчера подполковник Марычев подходил из политотдела? Мужик серьезный, говорят, опасный, везде врагов видит, с ним лучше не связываться. Так у него «походно-полевая жена» есть, он ее за собой со Смоленщины возит. Так прошел слухок, что Левицкий ухитрился и с ней... ну, понимаете. Сам он, понятно, от всего отрещивался – дескать, я не я, и девка не моя, но глазки при этом так плутовато бегали... – Цветков глубоко вздохнул. – Эх, Саня, каким же придурком ты был...

– А что, все нормально, – хохотнул Караган, – плох солдат, не мечтающий переспать с генеральшей.

– Николай, перед лесом останови, – спохватился Кольцов. – Машину в кусты загоним, пешком пойдем. Всем приготовить оружие.

Они шли по лесной дороге, растянувшись в колонну, оружие держали наготове. Здесь были не только осины, попадались молодые ели, невысокие стройные сосны. Пахло хвоей. Дорога вилась по лесу и вскоре выбралась на опушку.

Места были знакомые. Покатый травянистый откос, дорога по полю. Слева за лесом – памятная Жлобинка. Вчера в этот квадрат прибыл мотострелковый батальон, бойцы прочесали местность вплоть до болот, собрали трупы. СМЕРШ работал после них, надеясь, что не все следы затоптали.

Открытый участок оперативники пересекли почти бегом, рассыпавшись по полю, и через пять минут уже осматривали место, где взорвали колонну. Фугасный заряд был зарыт на проезжей части – колонну ждали. Могли использовать огневой шнур, посадив поджигателя в канаве и правильно рассчитав время. Могли применить электродетонатор или механическое воздействие – это не имело значения. Поставленную задачу диверсанты выполнили, это потом все пошло не по плану.

Трупы увезли, но остовы машин остались – их только сдвинули в канаву. Трупы немецких солдат тоже не просматривались, но запах разложения подсказывал, что специальная команда не усердствовала – сбросили тела в канаву и чуть присыпали землей.

Зажимая носы, оперативники блуждали между грудями железа. Кровь была повсюду – застывшая, почерневшая. Обходились без комментариев, что тут скажешь?

– Оттуда они пришли, – Павел кивнул на западный лес.

Снова рассыпались, не задерживаясь на открытом участке. Кое-где сохранились приметы – мятая трава, целые лежанки.

Оперативники осторожно входили в лес, прятались за деревьями. Осинник жил своей жизнью: мелкие пернатые прыгали по веткам, монотонно стучал дятел. Офицеры углубились в заросли, пошли по следам в обратном направлении.

Диверсанты выходили на опушку, рассредоточившись, их было много, и следов они оставили предостаточно. Кое-где виднелись окурки, обломанные ветки. Постепенно, метров через

сто, следы сходились – здесь колонна разделилась. Тропа была прилично утоптана, убегала на запад, пропадала за деревьями. Уже ощущался болотистый дух, появились комары.

Через полчаса смершевцы вышли на поляну, там диверсанты, вылезшие из болота, сделали привал. Валялись жердины, обертки от галет, пустые консервные банки. И снова ощущался сладковатый запах, источник которого обнаружили не сразу.

В стороне за кочкой лежало мертвое тело, засыпанное ветками. Принадлежало оно гражданскому лицу – мужчина не первой молодости в расстегнутой фуфайке. Лицо уже покрыли трупные пятна, колом торчала щетина. Ему перерезали горло. В ноздрях копошились черви, матово отливали глаза.

– И что вы думаете по этому поводу, товарищ майор? – понизил голос Цветков. – Мне кажется, этому покойнику не одни сутки?

– Как минимум двое, – проворчал Безуглов. – Заранее пришли, здесь и торчали. Я бегло осмотрелся, товарищ майор – они не просто на привал встали. Много окурков, упаковки от еды, лежанки мастерили из веток – у них, возможно, спальные мешки имелись. Европа, мать ее... – он презрительно усмехнулся, – получили «радио» и пошли на дело. Покопаемся в ближайших окрестностях – глядишь, и рацию найдем. На обратном пути собирались забрать – да только не срослось у них.

– А от проводника избавились, – почесал затылок Цветков.

– А зачем он им? Местный мужик, грибник-охотник-рыболов, знакомый с болотами, струхнул, поди, когда за грудки взяли, согласился провести. Прикончили бедолагу, спрятали, чтобы сильно не пах – он и не пах первые сутки...

Пока все сходилось: группа диверсантов обосновалась в квадрате заранее, ждала сигнал. То есть немцы знали не только о факте инспекционной поездки Серова, но и о примерном его маршруте. Эту версию подтверждал и внешний вид диверсантов – в подобном облачении в дальний тыл не проберешься, только решение боевых задач в прифронтовой полосе...

Павел осматривался, слушал голоса изнутри, сомнения не давали ему покоя. Было что-то еще – важнее группы Циммера. Главное, не упустить, засечь в нужный момент...

– Вооружаемся жердинами, мужики. Оружие – в боевой готовности, смотрим во все глаза. Особенно под ноги – на предмет растяжек. Если тропку растоптали, можем столкнуться и с новой группой. В общем, за мной, в колонну по одному, марш! И ни шага в сторону – иначе придется кое-кого поминать добрым словом...

Все оказалось не настолько плохо, как предполагалось. Шли осторожно, пробуя землю палками. Тропу прилично утоптали. Караган шутил за спиной – осталось щебнем засыпать, а лучше в асфальт закатать. Чавкала жижа под ногами. «Как-то подозрительно она причмокивает, – опасливо бормотал Цветков, – голодная, что ли?» Проплывали кочки, заросшие лишайником, кусты с голыми ветвями. Деревья в этой низине статью не отличались – маленькие, искривленные, с жидким листовым покровом. Между кочками поблескивала вода, затянута тонким слоем растительности, – от этих «окон» старались держаться подальше.

Кольцов уже подметил: если долго на них смотреть, волосы на голове начинали шевелиться... На комаров старались не отвлекаться – неважно, что там жужжит и кусает...

Павел восстанавливал в голове топографическую карту. Низина простирается к западу километра на полтора. Она не вдается в расположение противника, но советских войск в округе нет. Только дальше, на западе, где линия разграничения, – там ходы траншей, маскировочные сетки, фанерные макеты танков и самоходок. Фронт – это не что-то монолитное и сплошное, в нем хватает дыр и лазеек...

Через полчаса, уставшие, злые, с распухшими от укусов лицами, они вышли из болота и растянулись на лужайке.

– Не могу больше... – простонал Цветков. – Я устал и хочу прилечь...

– Но ты уже лежишь, – ухмыльнулся Караган.

– И что? – простонал молодой лейтенант.

На лужайке пахло клевером, в кустах наперебой пели малиновки. Тропа, протоптанная диверсантами, пересекала поляну.

Павел прогулялся за косогор, задумчиво поглядел на соседний лес, куда уводила тропа. Местечко безлюдное – давно здесь не ступала нога советского человека. Он покурил, вернулся к своим.

– Ну, что, товарищи офицеры, полежали, подождали, а задача не решилась? Подъем, пошли дальше. И уберите эти ваши недовольные лица...

Лес принимал вполне нормальный облик, под ногами уже не чавкало. Местность менялась, за деревьями мерцала скальная гряда. Заголубел просвет, и через пару минут оперативники вышли на опушку, где и залегли.

Причин для радости пока не было. По курсу – поляна, по ней недавно шли люди, но кое-где примятая трава уже возвращалась в прежнее вертикальное положение. Дальше потянулись глинисто-каменистые проплешины, растительность пропала, возник обрыв, под которым журчала речка.

Исполняясь недобрых предчувствий, Павел двинулся вперед, остальные растянулись. У обрыва растительности не было – сухая каменистая земля, на которой почти не отпечатывались следы. Пятнадцать метров голой поверхности, дальше обрыв – вернее, крутой откос, заваленный камнями. Под откосом протекала речушка. Перебраться через нее было несложно – в воде громоздились крупные окатыши, да и ширина водной глади не превышала семи метров. На другой стороне такой же откос, за ним высились скалы, в прорехах между ними зеленел лес.

Оперативники взяли на прицел скалы. Местность была безлюдной, чувство опасности помалкивало. Диверсанты от реки поднимались здесь, выворотили несколько камней, вросших в обрыв, оставили следы рифленых подошв.

– Что это получается, командир, – пробормотал Караган, – будем спускаться, подниматься, потом опять в лес искать тропу, ползти через чащу... Через пару часов к немцам выйдем – по обмену опытом, так сказать.

– Подожди, Леонид, не гунди... – что-то держало в оцепенении, направляло мысли в другую сторону. Интуиция порывалась что-то сообщить. Идти по следу диверсионной группы – занятие малоинтересное. Леонид прав – рано или поздно они придут к немцам. Перекрыть тропу можно, теперь они знают, где она проходит. Отправить сюда отделение разведчиков с парой ручных пулеметов и сухим пайком на неделю – дело несложное. А чтобы немцы не прошли, пока крутится машина военной бюрократии, можно пару растяжек установить в самых интересных местах. Дело было в другом, а вот в чем – пока не ясно.

– Меняем планы, товарищ майор? – догадался Безуглов.

– Установить растяжку на тропе, – приказал Кольцов. – метров на пять в лес. Через тридцать метров – вторую. Сделать ювелирно, чтобы незаметно было. Да смотрите, сами не взорвитесь. Караган, Цветков – займитесь.

– Приказ понятен, товарищ майор, – хмыкнул Караган, – хотя и не совсем. Может, на обратном пути это сообразим? А то ведь точно подлетим...

– Выполняйте, – поморщился Кольцов. – Не факт, что обратно пойдем этой же дорогой. А если придется – то уж обратите внимание на ориентиры, очень вас прошу. Топайте, мужики. Вадим, остаешься со мной...

Двое погрузились в высокую траву, растворились в лесу. Безотчетное беспокойство не проходило. Что он хотел найти? Что тут, вообще, можно найти?

Павел послал Безуглова вдоль обрыва в северном направлении, сам подался на юг, ползал на четвереньках, осматривая глинистую почву, иногда перегибался за край, скользил взглядом по откосу.

Он отдалился от тропы метров на сорок, искренне недоумевая, что же подвигло его на такое поведение? Словно нашептывали какие-то «компетентные» голоса...

Обернувшись, Павел обнаружил, что Безуглов подает ему какие-то знаки. Сердце екнуло. Майор припустил вдоль обрыва, пристроился на корточках рядом с товарищем.

У Безуглова тоже проснулся охотничий азарт. Блестели глаза. Он сидел на корточках, метрах в шестидесяти к северу, и очень напоминал грибника, который обнаружил семейство опят и теперь осматривается – не видать ли еще.

– Товарищ майор, это интересно... – заговорил лейтенант, – смотрите, здесь тоже кто-то проходил...

Павел нагнулся чуть ли не носом в землю. Любил он свою работу именно за эти моменты, когда стоишь на пороге открытия, возбуждаешься, мурашки бегут по коже, и ты понимаешь, что интуиция опять не подвела... Голый камень под ногами, ссохшаяся глина, хоть тресни, здесь не прочитаешь никаких следов. Но у кого-то соскользнула нога, и между камнями отпечатался край подошвы. Человек (или несколько) прошел по краю обрыва и именно здесь решил свернуть.

Через пару метров обнаружили еще один отпечаток. Безуглов поднял пустой спичечный коробок, открыл его, понюхал, пожал плечами.

– Немецкий? – спросил Павел.

– Фабрика «Гомельдрев». Как хотите, так и понимайте, товарищ майор. Сейчас, насколько знаю, фабрика не работает, но это могут быть старые запасы...

Они опять припали к земле, сместились к зарослям кустарника. Здесь начинался травянистый покров. Трава была жесткая, если кто-то и шел по ней, она уже поднялась. Но следы остались – шел не один человек.

Подошли Караган с Цветковым, установившие растяжки, озадаченно уставились на ползающих по земле товарищей, решили не мешать, сели в сторонке, закурили.

Возбуждение росло. Здесь прошли не двое и не трое – людей было больше. Они старались держаться друг за другом, но это им плохо удавалось, возможно, дело было ночью. Следы уходили в заросли, за которыми начинался лес.

Офицеры поднялись, отряхнулись.

– Посмотрите на них, товарищ майор, – фыркнул Безуглов, кивая на курящих товарищей, – так закалялась лень, называется.

– Эй, не тяжек груз безделья? – спросил Кольцов. – А ну, давайте сюда.

– Планерка, товарищ майор? – пошутил Караган. – Уже идем. Вы уж простите, до сих пор эта леска перед глазами стоит, нервишки, знаете ли, поигрывают...

Они подошли. Все четверо стали осматриваться.

– И что мы имеем? – спросил Цветков.

– Имеем следующее, – сказал Кольцов. – через реку переправились две группы. Уверен, это происходило одновременно. Характер следов, примятость травы – все указывает на то, что группы шли вместе, потом разделились. В первой были вояки обер-лейтенанта Циммера, кто во второй – неизвестно. Первая группа отправилась на восток, сделала суточный привал на другой стороне болота. Что стало с ней дальше – мы знаем. Вторая группа от реки подалась на северо-восток. В ней было от пяти до десяти человек...

– Я даже больше скажу, командир, – вставил Безуглов, – кое-кто был в кирзовых сапогах, и что интересно – советского образца; остальные – в гражданской обуви. Любопытно, да?

– Очень, – согласился Кольцов. – Что у нас на северо-востоке? Расположение механизированной бригады полковника Радановского? Туда эти люди, конечно, не пошли, двинулись южным краем. А теперь угадайте, товарищи офицеры, чем мы займемся дальше?

– Продолжим следопытскую деятельность, – вздохнул Цветков. – Одно тревожит: мы все дальше отдаемся от своей машины. Не приделали бы ей ноги – тогда нас точно взгреют за халатное отношение к армейскому имуществу...

Глава 4

Болот на северо-востоке не было, но местность оставалась сложной. Овраги, скопления кустов. Несколько раз пересекали лесные ручьи. У одного из источников сделали привал. Снова читали следы: на этом участке незнакомцы тоже останавливались, пили воду из ручья, споласкивались – сохранились отпечатки обуви и продавлины от коленей. Здесь же оперативники нашли аккумулятор от фонаря, из которого вытек электролит. Значит, шли ночью...

Направление выдерживалось – северо-восток. Дремучая зона вскоре оборвалась, деревья расступились, показалась проселочная дорога. Снова находили окурки от советских папирос, обгорелые спички. Небольшой перелесок, справа остался заброшенный хутор – незнакомая группа его проигнорировала, прошла мимо.

За перелеском деревня – старые, просевшие в землю халупы, покосившиеся ограды. Следы вели вдоль околицы. Все видимое пространство поросло бурьяном. Трава на пригорке стояла по пояс. В деревню диверсанты, похоже, не входили, но прошли совсем рядом.

Самое странное, что в деревне жили люди. Белел платочек – старая женщина ковырялась с тяпкой на чажлой грядке. На завалинке у крайней избы сидел старый дед с белой бородой и равнодушно смотрел на объявившихся в поле офицеров. Как тут выживали люди – уму непостижимо. Брошенные на произвол судьбы, они не были интересны ни немецким оккупационным властям, ни сменившей их Советской власти.

На пригорке паслись костлявые клячи, косили на пришельцев выпуклыми глазами. Эта живность тоже никого не интересовала. Использовать ее в пищу было опасно, в качестве тягловой силы – рискованно, выдержит ли.

– А вот и кавалерия, – подметил Караган. – Можно забыть про нашу машину и продолжить путешествие верхом.

– Ну, не знаю, – засомневался Цветков, – а ты умеешь их заводить?

Загулял волнами бурьян, с пригорка скатился пацаненок лет десяти в длинной до колен рубахе, зыркнул глазенками, просочился через плетень и был таков. Старик на завалинке даже ухом не повел.

– Подрастающее поколение, – заметил Цветков. – Зайдем в деревню, товарищ майор, побеседуем с гражданами?

– Давай, – кивнул Кольцов. – Только быстро.

Они сменили направление, перелезли через плетень, направились к деду на завалинке. Старик прищурился, всматриваясь в незнакомцев.

Он был неприлично стар. Возникла мысль, что он прекрасно помнил Крымскую войну, отмену крепостного права. А вот Первую мировую вряд ли помнил, потому что уже тогда был старый.

– Дедушка, немцы в деревне есть? – пошутил Цветков.

– Ась? – Старик вытянул шею, приложил высохшую ладонь к уху.

– Понятно, – усмехнулся Караган.

Во дворе избы их встретила худощавая женщина средних лет. Она куталась в обмусоленный платок, нервно теребила его края. Женщина волновалась, что-то щебетала на певучем белорусском языке. Понять ее было бы можно, если бы она так не тараторила.

– Болезненная реакция на форму, – предположил Караган, покосившись на Цветкова, – неважно, на какую.

Кольцов изобразил располагающую улыбку и попросил женщину говорить медленнее. Взаимопонимание наладилось через несколько минут. Олеся Александровна – коренная жительница деревни, раньше работала в колхозе, но с лета 41-го года, по понятным причинам... уже не работала. Муж на войне, где именно – неизвестно. Деревня практически пустая

– половина населения ушла в полицаи, половина – в партизаны, и тоже никто не вернулся. Из населения – только несколько бабок, про которых давно забыли, никому они не нужны. Тот старик, на завалинке, – родной дед Олеси, голоногий отрок Петруха – соответственно, правнук, а Олесе – племянник, и больше у пацана никого, поскольку круглый сиротинушка...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.